

НУЖНЫЙ ТРУД ОБ ИСТОРИОГРАФИИ

о книге Г. Д. Алексеевой «Историческая наука в России. Идеология. Политика (60–80-е годы XX века)» (М., 2003. — 248 с.)

О. В. Гришаев, А. Г. Сарычев

Воронежский государственный университет

По своему географическому положению Воронежский государственный университет принадлежит к периферийным вузам. Однако он тысячами нитей связан с академической наукой, крупнейшими учебными заведениями обеих столиц, университетскими центрами ряда государств. Это в полной мере относится и к историческому факультету ВГУ. Что касается отечественной исторической науки, то в свое время для нас имели исключительно важное значение тесные контакты с И. Д. Ковальченко, В. А. Дунаевским, другими крупными учеными. Убедительным свидетельством обширности факультетских связей являлись проведенные в Воронеже Историкографические чтения в честь 80-летия академика М. В. Нечкиной, конференция, приуроченная к 50-летию постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР».

Продолжается плодотворное сотрудничество с коллегами из других городов и стран СНГ и в наши дни. К числу ученых, с которыми оно поддерживается на протяжении десятилетий, принадлежит доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН Г. Д. Алексеева. В 1966 г. она выступила в качестве официального оппонента при защите кандидатской диссертации безвременно ушедшего из жизни талантливого историка, бывшего декана истфака ВГУ В. И. Чеснокова. Позднее она принимала самое деятельное участие в профессиональном становлении и других сотрудников исторического факультета, работе ряда конференций, проводимых в Воронеже. Многим и сейчас памятен цикл лекций по проблемам отечественной историографии, прочитанных ею для наших студентов. Уже в силу этого понятно то внимание, с которым мы встретили появление нового труда, вышедшего из-под пера Г. Д. Алексеевой.

Монография Г. Д. Алексеевой посвящена анализу ряда наименее изученных проблем отечественной истории, исторической мысли и факторов, самым существенным образом влиявших на процесс развития советской исторической науки в 60–80-е гг. XX в., в самый сложный ее период, который сегодня чаще всего определяют как «эпоху застоя». Наиболее важные и вызывающие особый интерес своей новизной и актуальностью

задачи автор рецензируемой книги оговорила во введении (см. стр. 5–6). Нам чрезвычайно близка высказанная здесь ею мысль: «Выяснение того, что можно использовать, от чего следует отказаться, на какие проблемы взглянуть с новых позиций, как использовать опыт прошлых лет, — одна из важнейших задач историографии, как, впрочем, и всей исторической науки, если она изучает историю с целью накопления и использования знаний для прогресса общества, его духовности, а не ради тотального разрушения, забвения, а тем более предания проклятию своих предков, тоже имевших право на свое мнение, заблуждения, ошибки». К чести автора она последовательно подходит к разрешению поставленных задач именно с позиций столь высокой требовательности, принципиальности, не останавливаясь и перед нелицеприятными оценками и суждениями, показывая, таким образом, образец подхода к делу.

Большое место в рецензируемой монографии занимает анализ пути, пройденного отечественной исторической наукой практически на всем протяжении XX века. Автор выходит при этом за хронологические рамки избранного периода. Однако такой шаг вполне оправдан, так как истоки той или иной проблемы, которые она стремилась осветить во всей полноте, большей частью находятся в первых послереволюционных годах, в 30-е гг. и т.д. При этом Г. Д. Алексеева подвергла жесткой критике концептуальные основы и методологические подходы официальной государственной концепции истории страны, направления ее эволюции, непоследовательность и ограниченность попыток ликвидации накопившихся ошибок и недостатков, предпринимавшихся в 60–80-е гг. По ее мнению, «общий итог развития исторической науки в России к концу XX в. — это крах прежде всего официальной исторической доктрины, господствовавшей 70 лет в СССР и называвшейся «марксизмом-ленинизмом», но на самом деле имевшей весьма отдаленное отношение к марксизму и ленинизму и в теоретическом и методологическом отношениях.

В том же ключе автором рассмотрена еще одна сложнейшая проблема, имеющая прямой выход на развитие исторической мысли в нашей стране: проблема взаимоотношений исторической науки и историков, с одной стороны, и политической власти и идеологии — с другой. Схема отно-

шений между ними сложилась еще в 1930-е гг. Ученым-обществоведам был навязан определенный тип «игры» в виде признания суммы условий, которые все должны были соблюдать. Она сводилась к безоговорочному признанию того, что теоретической основой советской науки является марксизм-ленинизм, а теоретические установки (идеи, концепции) способны давать только руководство ЦК КПСС и лидер коммунистической партии. Науке же отводилась роль апологета партийных новаций в области истории, комментатора партийных решений. При этом, по мнению автора, с течением времени ситуация здесь только ухудшалась. Если в 1930 — начале 1950-х гг. ценителем всех новаций в области теории являлся И. В. Сталин и, по оценке Г. Д. Алексеевой, нередко довольно удачно, то в 60—80-е гг. выступать в этой роли было некому, теперь ее выполняли контрагенты партии, в лице даже не отдела науки ЦК КПСС, а одобренных для этой роли групп историков, которым разрешалось выступать от имени партии в защиту теории и методологии марксизма-ленинизма. Поскольку они играли роль не теоретиков, а судей и адвокатов, помощников партии и в ее охранительной деятельности, нет ничего удивительного в том, что историческая наука превратилась в «примитивную апологику бездарных, малообразованных политиков».

Верность этого вывода Г. Д. Алексеева проиллюстрировала целым рядом примеров как из области конкретно-исторических знаний, так и рассматривая важнейшие проблемы становления и развития отечественной историографии как специальной исторической дисциплины.

Стремясь во всей полноте представить затронутые сюжеты, Г. Д. Алексеева отнюдь не ограничилась неллицеприятной критикой политических верхов страны, установивших практику безраздельного партийного контроля за исторической наукой и бюрократический тип руководства ею. Она в то же время воздает должное и отечественным историкам советского периода, вновь и вновь являя неуклонное стремление к исторической правде. С одной стороны, автор монографии поставила чрезвычайно интересную и совершенно не изученную проблему лидера и лидерства в исторической науке. Она жизненно важна в наши дни, когда историческая наука находится в кризисе, когда старые концепции отвергнуты, а на основе новых подходов ничего серьезного пока не создано. Уже поэтому размышления Г. Д. Алексеевой об условиях появления лидера как исследователя и организатора науки, преобладающем типе лидера на разных этапах социально-экономического и общественно-политического развития СССР (в соответствии с новыми социальными условиями и потребностями общества, государ-

ства, правящей элиты), его влиянии на науку и общество, значимости его деятельности далеко выходят за рамки академического интереса и приобретают общественное звучание.

Несмотря на господствующие в современной историографии тенденции, автор исключительно высоко оценила деятельность целого ряда крупных отечественных ученых, чей авторитет доминировал в исторической науке на протяжении 30—60-х гг. и чьи труды стали заметными вехами в ее развитии. Чего стоит с учетом реалий сегодняшнего дня ее утверждение о том, что критика советскими учеными западной советологии имеет свое историческое оправдание. Она не была искусственно придумана, а была реакцией на советологическую деятельность западных специалистов.

С другой стороны, она отнюдь не снимает ответственности за то печальное состояние, в котором находилась историческая наука к началу 80-х гг. с самих ученых-историков. В связи с этим автор говорит о группах историков, которым была удобна стагнация в науке. Она весьма жестко оценила деятельность руководителей ряда крупных научных коллективов: Федосеева, Пospelова, Егорова, Пономарева, Обичкина и др.

О многом заставляет задуматься вывод ученого о приходе новой генерации историков, когда «ученых лидеров сменили специалисты-администраторы, которые отстаивали свои права на управление наукой путем интриг, братовщины, групповщины, личных связей, взаимных услуг и тому подобных мер». Именно эти люди взялись затем за перестройку «той науки, которую сами создали своим некавалитизированным руководством и влиянием».

Читая монографию Г. Д. Алексеевой, непредубежденный читатель еще и еще раз убеждается, что отечественная историческая наука серьезно больна. О том, что она находится в глубоком и затяжном кризисе, не раз и не два говорили виднейшие представители академической и вузовской науки. Значительно реже и приглушеннее идет речь о путях выхода из него. Рецензируемая книга, наряду с высочайшим научным уровнем, ценна еще и тем, что в ней предпринята попытка не только осмысления пути, пройденного отечественной исторической мыслью. Это как бы своеобразный призыв к действию по выходу из сложившейся ситуации. Автор дает широкое полотно состояния советской исторической науки, анализ позитивного и негативного опыта 1960—1980-х гг., его причин и призывает коллег на этой основе уже в новых исторических условиях исправить допущенные ранее ошибки и искажения исторической правды и развить то лучшее, что было у предшественников. «Анализ современной историографии, посвященной науке 1960—1980-х гг., позволяет показать, на-

сколько бесперспективны и опасны идеологизированный и политизированный подходы, господствующие в настоящее время в русской науке. С этих позиций можно решить только одну проблему — расправиться с проклятым прошлым, свести счеты по социальным и личным мотивам. И даже опыт прошлого, знание ситуации, сложившейся в науке после 1917 г., ничему не учит современных историков, якобы радеющих за прогресс науки и, тем не менее, лишаящих ее возможности нормально развиваться, освобождаясь от ее вечных тюремщиков — политиков и идеологов различного ранга», — пишет Г. Д. Алексеева (с. 8).

Действительно, несмотря на обилие историографических трудов, вышедших из печати, как во времена СССР, так и в постсоветские годы, объективные общепризнанные оценки состояния советской исторической науки, ее роли и места в «концерте» мировой историографии пока еще отсутствуют. Более того, на смену одной схеме, одним догмам и штампам пришли другие, более модные, звучные, еще более туманные и неопределенные, чем прошлые. Те, порожденные и существовавшие на базе марксистско-ленинской теории и методологии, привели к кризису, новые — способствуют его углублению. Наука, потерявшая свои главные признаки — определенность терминологического аппарата, теорию как систему знаний, эмпирическую фундаментальность, отработанный и проверенный практикой инструментарий, по мнению автора, перестает быть наукой (с. 198—199).

Исключительно сдержанная и корректная в своих оценках историков советской эпохи Г. Д. Алексеева предостерегает совершенно непримиримой к современным авторам, которые под влиянием нынешней политики и идеологии стремятся «вписаться в процесс современного обновления России посредством развенчания и дискредитации, а не научной оценки нашего недавнего прошлого». Здесь она без обиняков указывает и на сомнительный уровень профессионализма в области историографии (с. 5), и на примитивность суждений (с. 53), и на идеологическую переориентацию (с. 125), и многое другое, что, в конечном итоге, ведет к дискредитации исторической науки, препятствуя ее выходу из кризиса.

Кроме того, Г. Д. Алексеева отмечает профессиональное легкомыслие и идеологическую ангажированность некоторых групп русскоязычной интеллигенции, активно пропагандирующих рожденные на Западе идеи, трактующие великую нацию и могучую державу как «империю зла». Она предупреждает об опасности недооценки их деятельности, указывая на то, что многие ученые не склонны противостоять этому национальному унижению и самоуничтожению (с. 194). Высокой

гражданственностью проникнуто в этой связи ее замечание: «Если сами историки не способны извлечь уроки из изучаемого прошлого своей собственной науки, то чему они могут научить общество в осмыслении, освоении и применении опыта для разумного использования его в социальной практике? В подобных ситуациях все рассуждения о важности изучения прошлого, извлечения уроков из его позитивного и негативного опыта для понимания современности, неповторения ошибок и преступлений являются пусто-порожней болтовней, не имеющей никакого реального смысла, а тем более научного содержания».

Монография Г. Д. Алексеевой заставляет задуматься над еще одной проблемой. Автор глубоко, доказательно и убедительно показала основные «болевые» точки советской исторической науки. Однако при этом встает вопрос: а могла ли она в тех исторических условиях развиваться принципиально иначе? Г. Д. Алексеева не уделила ему внимания, хотя он представляется чрезвычайно актуальным. Возможно, в работе такого уровня можно и не акцентировать внимания на глубочайшей взаимозависимости между положением государства и состоянием его надстроечных институтов. Хотим мы этого или не хотим, но, по крайней мере, до победоносного завершения Великой Отечественной войны Советское государство находилось в экстремальных условиях. И внутренняя обстановка, и международное положение СССР настоятельно требовали консолидации всех усилий на преодолении стадийного отставания от наиболее развитых стран мира. Все, в том числе и историческая наука, было брошено на идеологическое обеспечение индустриального рывка и укрепление обороноспособности страны. Так какой же могла быть официальная доктрина и отношение к исторической науке политического руководства СССР? Очевидным образом, не властолюбие Сталина и его окружения, не их патологическая приверженность диктаторским методам управления, как это настойчиво внушается нам сегодня, а объективные обстоятельства, жизненно важные потребности развития молодого государства, основанного на невиданных в истории человечества принципах.

По сути своей нечто подобное мы наблюдали и в 40-х гг. Конечно, внутреннее положение особых опасений уже не вызывало. Однако на международной арене СССР столкнулся с невиданным по силе давлением. «Холодная война» вызвала необходимость бросить все силы на формирование образа врага в лице вчерашнего союзника — США. Такая ситуация, естественно, не шла на пользу исторической науке, так как в таких условиях она никак не могла обрести хотя бы относительную независимость, и такое положение

было характерно не только для нашей страны. Г. Д. Алексеева очень хорошо показала это, указав на зависимость советологии на Западе от политических установок власти. В работе Г. Д. Алексеевой при всем ее критическом отношении к Сталину и сталинизму ощутимо прослеживается грань в развитии исторической науки именно по линии — сталинская эпоха и постсталинское время.

Ценой колоссальных усилий, вынужденно сдерживая рост жизненного уровня населения, мы обеспечили внешнюю безопасность, но зато столкнулись с еще более грозной опасностью, предотвратить которую не сумели. Это, по определению Н. А. Нарочницкой, втягивание в орбиту Запада и моральная зависимость от него третьего поколения советской элиты. «Советская интеллектуально-номенклатурная элита стала остро ощущать гнет своей идеологии, но не потому, что та разочаровала ее как инструмент развития собственной страны, а потому, что стала помехой для принятия в мировую олигархию. Цена за место в ней окончательно была названа в эпоху Горбачева» (*Нарочницкая Н. А. Историческая Россия и СССР в мировой политике XX в. // Новая и Новейшая история. — 1988. — № 1. — С. 131*). Признав справедливость такой постановки вопроса, мы еще яснее пойдем, почему не нашлось в СССР сил, способных реализовать потенциальные возможности изменения сложившегося до XX съезда КПСС типа связей исторической науки, идеологии и политики.

В силу кратковременности существования нового строя советская цивилизация еще не успела сложиться и страдала многочисленными недостатками объективного и субъективного плана. Отсюда и те болевые точки в развитии исторической науки, которые столь убедительно показала Г. Д. Алексеева. Думается, ожидать, что находящееся в переходном состоянии государство могло бы найти более совершенную форму организации изучения истории XX века, вряд ли оправданно. Но это уже тема другого разговора.

Три года, прошедшие после выхода монографии, показали ее актуальность и позволяют высказать уверенность в том, что труд Г. Д. Алексеевой окажется широко востребованным. Его использование важно, прежде всего, в системе высшей школы Российской Федерации. Как минимум два обстоятельства позволяют утверждать этот тезис в силу того, что вузы, и в первую очередь университеты, обеспечивают единство учебного и научно-исследовательского процессов. Во-первых, монографию следует рассматривать как важный фактор формирования личности исследователя. Так, в книге обозначен широкий круг проблем отечественной истории и историографии, которые либо совсем не исследованы, либо

нуждаются в радикальном пересмотре. Это позволяет начинающему специалисту (ученому) скорректировать свое представление об актуальности той или иной темы и более четко определить сферу своих исследовательских интересов. Кроме того, научный уровень монографии Г. Д. Алексеевой, взятый в качестве ориентира, способен удерживать от упрощенных подходов к изучаемой теме. Наконец, в условиях очевидной зависимости исторической науки от политики и идеологии молодежь сложившимися обстоятельствами подталкивается к конформизму и противостоять ему очень непросто, так как от этого зачастую зависит карьерный рост со всеми вытекающими отсюда последствиями. На этом фоне высокая гражданственность и научная бескомпромиссность рецензируемого труда, решительное отрицание идеологизированного и политизированного подхода к научной работе, неприемлемость к политически ангажированным авторам способны оказать позитивное влияние на становление молодого исследователя.

Во-вторых, в последние годы мы наблюдаем постепенное, но неуклонное снижение уровня научно-теоретической подготовки выпускников исторических факультетов. Оно стимулируется изменением государственных стандартов специальности и соответствующих им учебных планов, где сокращаются объемы изучения основных дисциплин. Этому содействует и, говоря словами М. А. Барга, «историографическая революция», свидетельства которой мы являемся и которая ведет к мифологизации исторической науки. Эти процессы, вызывающие, кстати сказать, негативную реакцию значительной части научно-педагогических коллективов, подвергают сомнению научность исторического познания, препятствуют выработке исторического сознания у молодежи.

В то же время одна из важнейших отраслей исторической науки — историография отечественной истории новейшего времени — до сих пор не обеспечена современным учебником. В связи с этим монография Г. Д. Алексеевой — и в этом нет преувеличения — должна стать настольной книгой лектора, читающего курс отечественной историографии XX в. Это также добротный фундамент столь нужного высшей школе учебного пособия по истории исторической науки. Мы уверены, что Институт российской истории РАН заслужил бы искреннюю благодарность многих историков страны, инициировав доведение до логического завершения этой практически уже начатой работы.

В связи со всем этим хотелось бы обратить внимание на тираж рецензируемой работы. 300 экземпляров для книги такого уровня и общественного звучания — это уже признак кризисного состояния не только исторической науки, но и общественного сознания.